

М. Н. Фомина²

МОДЕЛИ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ³

В условиях глобализирующейся культуры традиционно сложившиеся социокультурные пространства становятся не только сферой распространения инкультур, но и сферой интеграции национальных моделей культур. Это является одним из условий формирования новой модели социально-культурно-экономического развития, которая (по логике вещей) должна опираться на традиционные национальные ценности, выступающие в данном случае как интегрирующее начало. Не обошел этот процесс и Азиатско-Тихоокеанский регион, который, сформировавшись исторически на грани пересечения геополитических интересов, представляет собой мощный культурный фактор, приоритетом его становится решение социокультурных проблем комплексного гармоничного развития общества.

Современные российско-китайские отношения (политические, экономические, культурные) в региональном пространстве формируют политику не только двух стран, а также государств Азиатско-Тихоокеанского региона, но и мировую. Поэтому одним из результатов взаимопроникновения культур становится формирование «новой» культуры, которая обусловлена географически (так как формируется в Азиатско-Тихоокеанском регионе), этнически (так как регион характеризуется межэтническим взаимодействием), социально (так как основана на экономических, правовых и других факторах). Прошлое народов, среди которых русские переселенцы, в результате политических событий оказавшиеся на китайской территории, показало возможность интеграции национальных моделей культур, что отразилось во влиянии традицион-

ной русской культуры на быт и повседневную культуру, архитектуру северо-восточных китайских городов. Не случайно Харбин вошел в историю Китая как русская китайская столица.

В данном контексте исторически сформировавшаяся интеграция двух составляющих начал этого процесса — духовной культуры Китая и российского православия, вновь становится одним из вопросов, вызывающих у китайских специалистов новую волну интереса. Если позиция о духовной культуре китайцев исторически была сформирована даосизмом и конфуцианством и не требует доказательств, так как китайский народ исповедует даосизм, а когда дело касается культуры, он становится конфуцианцем, то вопрос о соотношении православной веры и конфуцианского учения китайскими учеными рассматривается однозначно. Так, например, Ли Юйтан отмечает, что христианство в Китае обречено на поражение⁴. Но страна имеет достаточно богатую историю развития православия на своей территории. Это связано с работой православных миссий, ролью русской эмиграции в распространении православия в Китае. Церковь стала для русских, как указывает Чжэн Юнван, источником духовного хлеба, опорой веры и полезным лекарством, излечивающим тоску по родине, символом терпения, которое является одной из ценностей для китайского народа⁵.

Для китайцев терпеливость — не только результат приспособления всей нации к условиям окружающей среды, но и великая добродетель. И если в христианстве Иисус Христос сказал, что благословляет кроткого и послушного человека, который будет наследовать весь мир, то терпеливость китайского народа позволит ему наследовать и управлять половиной материка Азии⁶. По мнению Чу Иенхуа, образ Христа явился символом терпения, дорогой к Богу, которая, став един-

² Профессор кафедры философии Забайкальского государственного университета (Чита), доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы Читинской области. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч. статей: «Логико-методологическое обоснование культуры», «Глобализация и диалог культур по-китайски», «Глобализация по-китайски и модернизация», «Стратегия культурного ресурса российского и китайского варианта “мягкой силы”» и др. Член Комитета по делам общественных и религиозных организаций при администрации губернатора Забайкальского края. Награждена грамотой Министерства образования и науки РФ.

³ Перевод аутентичных текстов, использованных в статье, подготовлен Чжан Фань.

⁴ Ли Юйтан. Китайцы — моя страна и мой народ. Пекин : Сюэ Линь, 1995. С. 329 (на кит. яз.).

⁵ Чжэн Юнван. Русское православие и культура провинции Хэйлуцзян // Эхо истории православия на территории провинции Хэйлуцзян. Харбин : Издат. дом Хэйлуцзянского ун-та, 2010. С. 202 (на кит. яз.).

⁶ Лю Сюаофен. От отчаянной философии до философии Библии — Шестов и критика метафизики России. Пекин : Религия, 1988. С. 232 (на кит. яз.).

ственной, лишила человека другого выбора¹. Но если для русской нации чувство страдания связано с православными идеями, то для китайского народа, как об этом пишет Ли Юйтан, способность терпеть страдания может продолжаться бесконечно, так как обусловлена всем ходом его жизни². Поэтому для китайских исследователей соотношение духовных культур китайского и российского народов в общем пространстве не представляет собой проблемы, так как речь может идти о распространении православия на культурном пространстве Китая, но не о формировании «китайского православия».

Китайские ученые отмечают, что русская нация обладает глубокой нравственной традицией, где нравственное чувство является главным признаком русской культуры, совпадая со стремлением к нравственности в христианском духе. А конфуцианское учение создает основу общества (через идею преданности родителям и старшим братьям), которое идет по пути единства моральных норм, политики и религии. Таким образом, православное вероисповедание и конфуцианское учение возникают и развиваются в различных культурах и исторических традициях, различие между ними очевидно. Для русских в Китае православие было не только частью духовной, но и основой их повседневной жизни. Как отмечает Чжэн Юнван, православная церковь не только способствовала поддержанию целостности русской национальной идеологии в Китае, но и выступала в целях защиты русского населения от ассимиляции китайским народом³.

При этом церковь вела большую работу по привлечению китайцев к православной вере. Этому была посвящена деятельность православной миссии в Пекине под руководством первого митрополита Пекинского и Китайского Иннокентия. Он способствовал тому, чтобы не только русские изучали китайский язык, но и китайцы изучали православную веру. Под его руководством были сделаны переводы «Катехизиса», песнопений на официальный китайский язык. Митрополит Мефодий, в свою очередь, способствовал их распространению среди китайского населения провинции Хэйлунцзян. После его смерти митрополит Мелетий продолжает его деятельность в этой провинции. Можно сказать, что в распространении христианства в целом большую роль сыграли и переводы Библии, ко-

торые делали не только католические, православные миссионеры, но и китайские специалисты. Первые переводы были сделаны в эпоху династии Тан, и продолжалась эта деятельность почти 14 веков⁴. В 1992 году был опубликован единый перевод Библии на современном китайском языке.

Православие, которое олицетворяло в Китае национальную модель российской культуры, никогда не было враждебно традиционной китайской культуре. Хотя китайцы всегда мало интересовались религиозными вопросами, оно все же находило отклик в сердцах и умах некоторых из них. Можно ли утверждать, что распространение православия в Китае было фактором формирования китайской христианской культуры? Если буддизм синтезировался с китайскими народными верованиями и представляет собой смесь буддийской традиции и китайской национальной религии, то можно сказать, что китайский буддизм, так же как и даосизм, конфуцианство, является фактором, формирующим национальное самосознание китайцев. Как отмечает Ли Чжинган, духовные культурные элементы имеют решающее значение в формировании национальной идентичности, в продвижении национального единства⁵. Православие же занимает в этой системе «сопутствующее» место. Приобретет ли оно «китайское лицо»? Католики еще в XVIII веке предприняли попытку соотнести традиционную китайскую духовную культуру и христианство. Результатом этого можно считать некоторые иконы христианских храмов в Китае, которые изображают лики святых с китайскими чертами лица...

Как отмечает Цзэнь Лия, духовная культура Китая — это не только душа народа, материальное выражение национальной культуры, но и сущность национального характера⁶, а русские эмигранты смогли воспроизвести культурное наследие России, которое явилось достойной частью культуры Китая⁷. Поэтому можно предположить, что когда речь идет о национальных моделях культур и возможности их интеграции, необходимо проанализировать, во-первых, пространство, которое открыто для этой интеграции; во-вторых, присущие взаимодополняемость / отторжение / инертность интегрирующих культур по отношению друг к другу; в-третьих, совместимость / совпадение духовных основ интегрирующихся культур.

¹ Чу Иенхуа. Религиозное пояснение русской идеи. Пекин: Восточ. издат. дом, 1998. С. 97–98 (на кит. яз.).

² Ли Юйтан. Указ. соч. С. 40.

³ Чжэн Юнван. Указ. соч. С. 203.

⁴ Чу Иенхуа. Указ. соч. С. 97.

⁵ Ли Чжинган. Понятие духовной культуры и национальной идентичности // Нации в мире. 2010. № 2. С. 4–5 (на кит. яз.).

⁶ Цзэнь Лия. Размышление о традиционной духовной культуре КНР // Общество и науки. Цзянси. 2003. № 11. С. 144 (на кит. яз.).

⁷ Чжэн Юнван. Указ. соч. С. 206.